

шали ему говорить, ведя разговор сами, как все падали на землю, и внезапно воцарилось глубокое молчание. Бесстыдных священников и их наложниц, которых он называл кобылицами дьявола, он преследовал жестокими укоризнами и такими проклятиями, что они покрывались великим стыдом; указывая пальцем на всех тех, которые вели себя таким образом, он кричал вслед за ними, так что почти все жепщины этого рода оставили своих священников.

Одна женщина из благородной фамилии, жившая в деревне, которой она владела, несколько раз предупреждала священника, чтобы он оставил свою наложницу; он отказался, и она ему объявила: «Я не имею никакой власти над вами, но все те жители деревни, которые не считаются клериками, подчинены моему суду». Тогда Фулько приказал представить ему паложницу того священника, обстриг ей волосы и сказал: «Так как ты не хочешь оставить священника, то я желаю поставить тебя священницей».

Один епископ приказал другому священнику оставить или свою служанку, или свой приход, и он, плачась и жалуясь, объявил, что желает лучше отказаться от своей церкви, нежели отпустить наложницу. Таким образом, он оставил церковь, и тогда та женщина, видя, что ее священник остается бедным, ибо он не имел более доходов, пренебрегла им и бросила его, и несчастный потерял все — и свою церковь, и свою паложницу.

Куда бы ни являлся тот поборник Бога, повсюду падшие женщины оставляли дома разврата и обращались к нему. По большей части он выдавал их замуж; других же заключал в монастырь, чтобы там они могли вести правильную жизнь. При этом случае был основан, сначала вне города Парижа и недалеко от него, монастырь св. Антония Цистерцианского ордена, в котором принимали женщины подобного рода. В других местах и других городах, где этот святой человек благославлял источники и колодези, большие стекались толпами, и там были построены часовни и даже госпитали. Господь исполнял его слова таким авторитетом и такой благодатью, что магистры и схола-

ры города Парижа, принося с собой на его проповеди таблички и тетради, записывали за ним с его слов все сказанное им; но эти слова не имели уже столько сил в устах другого и не были столь плодотворны при своем повторении. Молва о его проповеди разнеслась по всей христианской земле, и слава его святости распространилась повсюду.

Сверх того, его ученики, отправляемые им на проповедь, как апостолы Христа, были принимаемы всеми с великим почетом и уважением. Но один из них, считавшийся первым, самый красноречивый и самый деятельный, по имени магистр Петр Русский, «сделал пятно на его славе». Действительно, он, который вступил на путь усовершенствования, который проповедовал бедность, начал сам копить богатства и извлекать доходы от проповедей, а потом сделался каноником и канцлером церкви в Шартре; таким образом, тот, кто был должен пролить свет из дыма, выпустил дым из света. И вследствие того он не только сделал презренным свое учение, но и папес большой вред другим ученикам Фулько.

Между тем как этот святой человек привлекал к Богу ежедневно души многих, он, возложив на свои плечи знаменье креста, вознамерился словами и примером приглашать, побуждать и склонять князей, рыцарей и людей всех сословий к тому, чтобы поспешить помочь Святой земле. Сам же он начал собирать деньги милостыней верующих с намерением раздать их бедным крестоносцам как рыцарям, так и всем другим. И хотя он делал такой сбор не в видах корыстолюбия или по какому-нибудь другому худому побуждению, но по неисповедимой воле Божьей, с этой минуты его влияние и его проповедь начали много терять в глазах людей; и по мере того, как увеличивалось количество денег, страх и уважение, внушаемые им, уменьшались. Несколько времени спустя (в 1201 г.) он впал в тяжелую лихорадку, умер в деревне, называемой Пёльи, и был погребен в приходской церкви, которой он сам управлял. Множество народа стекалось к его гробнице из стран соседних и из стран отдаленных; перестройка этой церкви, начатая им самим, была совершенно окончена